

Из могилы выроют, Реабилитируют

ЭТИ САРКАСТИЧЕСКИЕ стихи Иван Елагин писал вовсе не о себе, а о тех поэтах, которые, как и его отец, были убиты при Сталине. Но с годами оказалось, что и о себе тоже. Пока был жив, ни строчкой не засветился он в советской печати. И только после смерти, только из могилы его голос впервые открыто прозвучал на родине. Сверкнула публикация в перестроечном "Огоньке", затем в "Новом мире", появилась подборка в "Строфах века" у Евгения Евтушенко... Но обещанный "Худлитом" к началу 1991 года большой том избранных стихотворений и поэм так и не вышел. Нынешний двухтомник Ивана Елагина с опозданием на семь лет выпущен совсем другим издательством, осилившим для разбега трехтомник Георгия Иванова и четырехтомник Ходасевича.

Сын дальневосточного футуриста Венедикта Марта, Зангвильд-Иван Матвеев назвался Иваном Елагиным скорее всего под влиянием щемящих блоковских строк:

**Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и хrap коня.**

Серебряным веком – от Блока до Маяковского – щедро пропитана его поэзия. Здесь дважды промелькнет мандельштамовский волкодав, и оживет разбойный есенинский надрыв, и заморочит пастернаковский "сумбурный говорок"...

Из Владивостока, где Иван Елагин невольно родился в 1918 году, судьба уводила его все дальше и дальше на запад. В 30-е годы он уже в Киеве, где в разгар репрессий с концами забирают отца. И сын не бежит от немцев, в итоге оседает в лагере для перемещенных лиц под Мюнхеном, а затем и вовсе переселяется в Нью-Йорк и, наконец, еще западнее – в Питсбург. Там он и умрет в 1987 году. Но успеет погостить у друга на западном побережье – через океан от Владивостока. Правда, и на Западе поэт не забывал ни вурдалака во френче, ни набитых заключенными вагонов, ни подвод с мертвецами...

В стихах Елагин остроумен и афористичен: "У кого какой артрит, / Тот о том и говорит"; "Кто пишет потом, кто слезой, / Кто половую железой". Он покориет читателя простейшими средствами: "...Но помни, что ты настоящий – / Лишь всё потеряв, / Что запах острее и слаще / У срезанных трав..." Для стихотворения, которое поэт распорядился напечатать после своей смерти, ему вполне хватило четырех строк:

**Здесь чудо всё: и люди, и земля,
И звездное шуршание мгновений.
И чудом только смерть назвать нельзя –
Нет в мире ничего обыкновенней.**

Огорчают примечания к двухтомнику. О том, что происходит "на Столярном, в доме Штосса", следовало справиться у Лермонтова и не навязывать игру в винт (1, 452) там, где мечут штос. Незачем выдавать воспоминания П. В. Митурича за неизданные (II, 372), потому что они благополучно изданы. И совсем не годится самое известное стихотворение К. Н. Батюшкова "Я берег покидал туманный Альбиона..." приписывать Е. А. Баратынскому (II, 370).

Литературная газета: 1998. - 12 авг. - с. 12